

Рецензия

М.Ю. Тимофеев

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета; Email: editor@journal-labirint.com

КАК СТАНОВЯТСЯ ГИПЕРБОРЕЯМИ

(Рец. на кн.: Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О. Б. Подвинцев. — М.: Новый хронограф, 2016. — 208 с. ISBN 978-5-94881-322-6)

Монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» стала итогом двухлетней работы исследовательского коллектива проекта «Арктика» под руководством директора Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук О. Б. Подвинцева. Занятые в этом проекте учёные давно успешно занимаются различными аспектами изучения феномена идентичности в целом и региональной в частности. Безусловно, в начале книги акцентируется внимание на позицию к решению проблемы трактовки понятий идентичности и региона, далёких от консенсуса в современной науке. Применительно к идентичности авторы исходили из интегрированного подхода, понимая под региональной идентичностью «комплекс символических, идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества. В сферу исследовательского интереса, таким образом, попали выразители региональной уникальности, такие, например, как историко-культурный контекст, на основе которого “вырастает” самосознание жителей и механизмы использования этих особенностей через политику по их конструированию». А регион понимается как «территориальное пространство, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и “картиной мира”. История освоения территории, схожая модель хозяйственной деятельности и уклад повседневной жизни поддерживают представления о едином пространстве поверх административных границ и на этой основе устойчивую макрорегиональную идентичность (Русского Севера, горнозаводского Урала, Центральной России и др.)».

Арктика (Север, Дальний Север, Заполярье), как правило, не рассматривалась ранее, как отдельная составляющая России, такая же как Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и др. И уже в первой главе авторы вынуждены признать «отсутствие устоявшихся представлений о составе и границах этого потенциального мегарегиона». Поскольку исследование ориентировано на Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 года, то вопросам конструирования российской Арктики уделяется довольно много места. Так авторы отмечают, что в конце 2000-х – начале 2010-х гг. в информационных сообщениях слова «Арктика», «Сибирь» и «Дальний Восток» стали уже перечисляться через запятую. Целиком в состав Арктической зоны попали четыре субъекта федерации – Мурманская область, а также Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Кроме них Арктика в составе России охватывает северные районы Республики Саха (Якутии), Архангельской области и Красноярского края, а также город Воркуту, расположенный в Республике Коми.

Авторы резонно полагают, что «выделению Арктики как отдельного макрорегиона на ментальной карте современной России препятствует ряд факторов: сам термин “Арктика” применительно к России недостаточно конкретизирован и имеет ряд конкурирующих понятий; официальная граница арктической зоны все больше проходит не по границам субъектов федерации, а внутри них; решающая роль принадлежит политике идентичности, проводимой со стороны федерального центра, которая в данном вопросе исходит не столько из сложившихся реалий, сколько из стрем-

ления к решению конъюнктурных задач, преимущественно геополитического характера. Следует добавить также, что восприятие данной территории в качестве единого целого недостаточно укоренено в исторической традиции, горизонтальные связи между данными регионами развиты слабо, а общая численность их населения составляет малую долю от числа жителей России».

В обширной второй главе «История, столицы и границы российской Арктики» читатель найдёт практически исчерпывающую информацию о становлении территорий, частично или в полной мере относимым к российской Арктике. Главными или «сердцевинными» территориями формирующемся Арктическом макрорегионе России авторы предлагают считать Ямало-Ненецкий автономный округ и Республику Саха (Якутия). Применительно к ЯНАО причиной является высокий уровень экономического развития и значимость региона для ненцев – самого многочисленного из коренных народов всей западной и центральной части российской Арктики. Для Якутии таким факторами служат огромные размеры и природные богатства данной территории, а также то обстоятельство, что коренное население уже сравнялось в этом субъекте федерации по своей численности с «переселенческим». Как считают авторы, соперничество двух территорий за роль «основных» не препятствует формированию макрорегиона и может даже иметь положительное значение для его развития. В периферийных по отношению к ним Мурманской и Архангельской областях арктическая идентичность является скорее дополнительной к исторически сложившейся принадлежности к Русскому Северу.

Как можно судить из проведённого исследования, конкуренция в Арктике возможна только между сопредельными территориями, но в тоже время в каждой из них имеются порой весьма запутанные отношения этно-конфессионального соперничества, анализу которого посвящена третья глава (в ней к объектам анализа добавляются республики Карелия и Коми). Для рассмотрения столь сложной проблемы, очевидно, необходим больший объём, чем одна глава, но авторам всё же удаётся обозначить основные группы противоречий и убедительно их описать. Различие арктических регионов рассматривается по следующим основаниям: 1) разный конституционно-правовой статус субъектов Арктической зоны РФ, что определяет степень автономности и самостоятельности региональных властей в решении ряда политических, финансовых и культурных вопросов; 2) геополитическое положение региона; 3) разный характер расселения этнических групп: в рамках одного субъекта, в нескольких регионах одного государства, в разных государствах; 4) коренное население представлено разными языковыми общностями и антропологическими типами; 5) сильное различие религиозных традиций населения рассматриваемых регионов.

Этноконфессиональная тематика в региональном поле заметно активизировалась после распада СССР. Однако интенсивность её внедрения в региональный дискурс варьируются. Авторы указывают, что приграничные субъекты (Мурманская и Архангельская области и Карелия) включились в этот процесс чуть раньше при активной поддержке зарубежных государств. В некоторых республиках (Саха) рост национального самосознания в 1990-е годы поддерживался скорее внутренними силами. Коренные малочисленные народы после создания институциональных структур, призванных отстаивать их интересы, в правительствах соответствующих субъектов начинают оказывать существенное влияние на внутреннюю политику.

В продвижении этнокультурного бренда на региональном уровне заинтересованы не только политические элиты регионов, но национальные активисты. Это касается формирования основ региональной политики и создания этнорегиональной символики. Так «Ассоциация поморов Архангельской области» ставит своей задачей «создание условий для формирования привлекательного образа Архангельской области как центра исторического Поморья и российского Севера». Авторы весьма скрупулёзно исследуют то, как поморская тематика использовалась в последнюю четверть века в действиях региональной политической элиты этой области. «Поморы, на которых делают ставку региональные власти, — пишут они, — не включены в официальный Перечень коренных малочисленных народов Севера, а потому не могут пользоваться рядом льгот и преференций в соответствии с действующим законодательством: правом на традиционное рыболовство, сохранением квот на биоресурсы и традиционных мест проживания, льготной медицинской помощи и

бесплатными лекарствами, участием в финансовых, бюджетных и культурно-образовательных программах поддержки коренных малочисленных народов Севера, а также создавать легитимное представительство на региональном уровне». По мнению авторов, заявления о создании Поморской республики демонстрируют реальные настроения в определенной среде архангелогородцев. Конструирование альтернативной арктической поморской идентичности реализуется на уровне формирования устойчивых нарративов. Эпитет «поморский» включен в названия государственных учреждений (Поморская государственная филармония, Поморский государственный университет, Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера), СМИ (ВГТРК «Поморье», журнал «Поморская столица»), компаний (комбинат питания «Поморская трапеза», ресторан «Поморский», торговые фирмы ООО «Поморский сувенир» и «Поморские штучки», гостиница «Столица Поморья», турфирма «Помор-тур») и др.

К разработке официальной символики не во всех арктических субъектах федерации отнеслись как значимой стороне региональной репрезентации. Самым последовательным конструирование символики было в Республике Саха. Там этнический компонент нашел отражение на гербе в изображении древнего всадника на фоне солнечного диска-щита. Зеленый цвет флага призван олицетворять тюркское происхождение народа саха, а белое солнце занимает важное место в якутской мифологии. В целом этнический компонент в официальной презентации региона более заметен в регионах с республиканским статусом. Впрочем, есть примеры и иного рода. Например, мурманские саамы создали собственный гимн, соединив стихи норвежского педагога И. Сабы и музыку норвежского композитора А. Сёрли. Как отмечают авторы исследования, слова гимна «саамам Саамскую Страну!» лаконично формулируют политические требования саамов. В 2010 году при сильном влиянии зарубежных саамов в Мурманской области был создан Саамский парламент с совещательным статусом. Однако всё же географические, северные смыслы преобладают над этническими даже в официальной символике тех исследуемых субъектов, в названии которых отражен этнический компонент.

Важным инструментом закрепления этноконфессионального компонента в региональном контексте в некоторых республиках стал праздничный пантеон. Ещё один значимый канал поддержания этнокультурной идентичности в регионах – это развитие СМИ на национальных языках. Согласно проведённому исследованию, этническая тематика не всегда является приоритетной при формировании туристического имиджа региона. Она, как правило, озвучивается после «арктической», «географической», «природно-климатической» региональной уникальности.

Урбанизация российской Арктики — тема четвертой главы — достаточно интенсивно изучается в последние годы. Маятниковые миграции существенно препятствуют формированию идентичности, связанной с территорией временного пребывания. «Поэтому индивидуальная модель *городской пассионарной арктической идентичности*, как отмечают авторы книги, характеризуется высокой степенью необязательности и изменчивости. В индивидуальных жизненных стратегиях большей части населения, которое не является коренным, северные города не рассматриваются как место финального пребывания до конца жизни, что не способствует культурной лояльности и потребности в закреплении “временной” идентичности».

Между тем, по мнению авторов, «специфика арктических городов оказывает сильное детерминирующее влияние на формирование идентичности арктических регионов». Именно с ней они связывают современную идентичность арктических регионов России, которая стремительно сложилась в течение второй половины XX века. Тем самым освоение регионов российского крайнего севера оказывается доминантным по отношению к моделям идентичности коренных народов. Приводимая статистика свидетельствует о сокращении реального влияния коренных этносов на современный образ жизни в российской Арктике.

В целом в книге довольно много места уделяется символической политике по конструированию новой метаидентичности. Сравнивая советскую и постсоветскую модели символической деятельности, авторы отмечают преемственность: «Внутри нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости

от меняющейся российской и глобальной политической повестки. При этом сохраняется доминирующее положение и инерция героических арктических символов советского прошлого (полярник, Северный полюс, Шпицберген, Северный морской путь (Севморпуть), ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр.). Основное смысловое смещение постсоветского периода связано с переосмыслением прежнего понимания Арктики как стратегического плацдарма времен «холодной войны» в пользу ее интерпретации в 2000-е годы в качестве экономически недооцененного региона, своего рода северного Эльдорадо, способного обогатить ресурсную базу российской экономики».

Поскольку процесс урбанизации в советский период происходил в наиболее сжатом, радикальном режиме, то «северные города не являются органическим следствием имманентного исторического развития традиционных поселений российской Арктики. Они полностью привносятся извне в результате внутренней колонизации территории». В результате «*арктические города по своим совокупным человеческим и экономическим ресурсам естественным образом становятся доминирующим способом организации идентичности социального пространства российского Севера*».

Сравнивая различные модели освоения районов крайнего севера, авторы указывают, что «арктическая идентичность для европейского и американского массового сознания в настоящее время маркирована, прежде всего, проблемами экологии и дискурсом защиты окружающей среды. <...> В России продолжают господствовать материальные ценности (порядок, стабильность, безопасность и др.), а также соответствующие модели выживания и борьбы за существование, в свете которых экология не может стать доминирующей ценностью».

Предлагая модели развития авторы пишут: «Представляется, что стратегическим решением для развития арктического макрорегиона является не миграция трудовой активности из сферы реального производства в сферу посреднических услуг, а диверсификация и расширение рынка труда за счет умножения отраслей, а) позволяющих сохранить и развить достигнутые уровни потребления, б) ориентированных на обеспечение независимости от внешних рынков, освоение и продвижение уникальной продукции, услуг, технологий. В подобной ситуации основной задачей государства становятся долгосрочные капиталовложения на развитие инфраструктуры и транспортно-логистических сетей (железные и автомобильные дороги, вокзалы, аэропорты, тепло- и электросети)».

В пятой главе «Образы российской Арктики в официальном дискурсе: динамика символической политики власти» авторы отмечают, что «отчетливо наблюдается следующее: если 20-30 лет назад акцент в национальной активности и международном сотрудничестве ставился на экологическом, природоохранном аспекте арктической тематике, то постепенно интерес заметно смещается в направлении экономики и, связанных с ней, военно-политических проблем. Естественным образом такие интересы нуждаются в более интенсивном соответствующем символическом обеспечении».

Оптика исследования, направленная на изучение одного метарегиона, неизбежно смещает акценты, устраняет из поля зрения другие территории (хотя авторы и используют вполне успешно компаративистский подход). Так авторы обращают внимание на то, что с момента публикации «Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» в 2008 году, обсуждение Арктики как особой части российской политики усиливалось, что связано с разработкой Стратегии развития макрорегиона. Однако постоянное присутствие арктической темы в риторике власти не всегда совпадает с интенсивностью принятия и реализации стратегических решений. Например, закон «Об Арктической зоне РФ» не принят до сих пор. Авторы вынуждены констатировать, что «ясная долгосрочная политическая стратегия освоения Арктики в России до сих пор отсутствует».

В последней главе книги «Внутренние стратегии позиционирования регионов российской Арктики» авторы отмечают, что «арктическая Россия» — конструкт, сочетающий в себе как естественные предпосылки своего существования, так и весьма искусственные. Объединение части субъектов Российской Федерации в макрорегион — «российская Арктика» — равноположенно имеет как некоторые предпосылки для подобного объединения в структуре самих региональных идентичностей, так и явные противоречия». Впрочем, «с точки зрения официального дискурса Арктическая

Россия — безусловно сформированный единый конструкт. Данная территория обозначается и позиционируется, в первую очередь, как важнейшая сокровищница природных ресурсов».

Достаточно подробный анализ символической политике на уровне регионов обнаруживает по результатам исследования общие тренды, что может свидетельствовать как об общности подходов, так и о бедности языков описания. Например, «повсеместно доминирующий образ арктической уникальности — природно-климатические особенности территории: суровый климат (составляющие смыслы — север, холод, вечная мерзлота, лёд)», может быть отнесён (за исключением разве что вечной мерзлоты) и к регионам, расположенным не в столь высоких широтах.

Любопытный материал приводится авторами при рассмотрении конкурентной борьбы за право считаться столицей российской Арктики. Так, среди претендентов оказывается Санкт-Петербург, выбор которого демонстрирует достаточно легко считываемый имперский подход. В рамках II Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», который проходил в конце 2012 года, губернатор Северной столицы Георгий Полтавченко заявил о том, что город должен стать координирующим центром реализации приоритетных интересов России в Арктике, а Артур Чилингаров добавил, что Петербург всегда считался арктической столицей России...

Отмечу, что арктическая принадлежность ещё не закрепились в русском языке как обозначение жителей территории, подобное сибирякам, уральцам и даже трудно выговариваемым дальневосточникам. Возможность проследить за тем, как жители этого региона становятся «арктичниками» или «арктичанами», судя по результатам исследования, проведённого прикамско-уральскими учёными, достаточно амбивалентна.

Монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности», не смотря на свою компактность, представляет собой удачный пример комплексного и взвешенного изучения темы формирования региональной идентичности. Авторами проработан большой и очень интересный для разных категорий читателей материал, изложенный в исследовании живым и увлекательным языком, понятным широкой аудитории.